

ДМ. НАГИШКИН

★

СВЕТ ПОБЕЖДАЕТ ТЬМУ

*Слепое зло падет бессильно,
Добро — не может умереть!..*
(Из революционной песни).

Несдавно я прочитал роман «Повитель» молодого писателя Анатолия Иванова из Новосибирска. По прошествии нескольких дней я убедился, что содержание и образы романа все более волнуют меня, что я вынужден думать над прочитанным, что мысли автора, образы, созданные им, философия книги не могут оставить меня равнодушным, что они заслуживают серьезного разговора. Разговора не только о прочитанном, но о таких вещах, которые выходят за рамки одного произведения.

Есть — увы! — книги, прочитав которые читатель, со спокойным сердцем и ровным дыханием, не ощутив никакого волнения, ставит на полку, чтобы забыть навсегда, не сохранив даже смутного воспоминания о них.

К сожалению, таких книг немало. Мы, не считая их «вредными» в политическом смысле, печатаем их — тоже со спокойной совестью и ровным дыханием, не осознавая того, что, не принося эстетического эффекта и не пробуждая эмоций у читателя, они объективно вредны именно потому, что бесполезны! «Серая книжка», — говорим мы в таких случаях и огорченно вздыхаем: уж слишком часто они попадают на глаза. И мало при этом задумываемся над причинами «серости» литературного произведения. Если же случится по этому поводу поговорить с критиком, он заметит авторитетно, объяснив все разом: «Незнание жизни!»

А что, собственно, такое — «незнание жизни»? Мне приходилось не раз встречать людей, «не умеющих жить», и это явление я могу понять, постичь, оно симпатично мне, особенно если эта оценка дается с позиций мещанского «устройства» в жизни.

Но за всю свою жизнь я не видел разумного человека, который совсем не знал бы жизни, как бы — вольно или невольно — ни был ограничен круг его представлений и интересов. Даже если этот круг и не был очень широким, это нисколько не умаляло ни силы переживаний человека, ни верности его суждений относительно мира, в котором он жил. Не раз мне приходилось встречаться и с авторами «серых» книг — теми самыми, которым критика предъявляла обвинения в «незнании жизни», и, поверьте мне, среди них было много людей, которые на своем веку многое повидали и многое испытали и, коснись дело жизненной практики, могли бы многому поучить своих критиков: и мужеству, и честности, и самоотверженности, и практичности, и выносливости, и даже — партийности. А книги их — «серые». И не потому, что люди бесталанны (о бесталанных я не говорю!). А почему же?

...В доверительной беседе Анатолий Иванов сказал как-то, что толчком к созданию романа ему послужил один вроде бы пустяковый случай, не вышедший из рамок «обыкновенного» происшествия, которому никто не придал значения.

Уже после войны, совсем в наши дни, в 1955 году, на задах одной сибирской деревушки нашли выброшенный кем-то обрез. Кулацкий обрез — укороченную винтовку со срезанной ложей, чтобы можно было стрелять одной рукой (и прятать под одеждой!). Это не был насквозь проржавевший обрез, захороненный еще в те годы, когда кулаки поняли, что из обреза колхоз не убьешь. Это было оружие, которое кто-то долгие годы хранил в боевой готовности, хранил четверть века (!), хранил даже тог-

да, когда наша страна, обливаясь кровью и потом, один на один в схватке с гитлеризмом, вела Великую Отечественную войну с заклятым врагом коммунизма.

Можно по-разному подойти к этому казусу, например так, как обстояло дело в данном случае. «Кто-то» хранил-хранил обрез, да и выбросил его, очевидно решив, что воспользоваться им не придется. Но этот «кто-то» не оставил своей подписи на обрезе, и факт замкнулся в самом себе: хранил — выбросил. Составили акт, обрез передали в милицию. Тем дело и кончилось. Установить, кто хранил обрез, не было возможности, да и нужды особой в этом не было: этот «кто-то» сам признал свою игру проигранной и разоружился. И многие события: ожесточенная классовая борьба в годы коллективизации; мирное строительство пятилеток, сопровождавшееся вредительством замаскировавшихся врагов; Великая Отечественная война, выявившая все подлинные качества людей; послевоенное строительство, сопровождавшееся переоценкой многих ценностей; чья-то злорадность на Советы, чье-то моральное разоружение, чье-то признание Советов неизбежной основой нашей жизни — на пятом десятке лет существования нашего государства, — эти события в сознании иных людей остались изолированными друг от друга, отдельными явлениями нашей жизни, как изолированным фактом остался выброшенный обрез, в свое время кем-то заботливо смазанный для длительного хранения! Может быть, только районный милиционер платонически и ненадолго задумался: «Кто же его, паря, содержал столько годов в тайности?»

На самом же деле события соединены в цепь причин и следствий. И для думающего человека за изолированным фактом: «А у нас, паря, на задах деревни обрез нашли. Кто-то выбросил!» — встает чья-то судьба, может быть, жалкая, может быть, страшная, но обязательно сотнями нитей связанная с сотнями людей, фактов, случаев, событий, переживаний, мыслей, мук и радостей, тяжких раздумий и каких-то свершений — высоких или позорных!

Если философски, диалектически осмыслить все это, то в найденном случайно обрезе увидишь не искаленное изделие оружейного завода, приспособленное для бандитских целей, а куда больше. Увидишь не руки, державшие обрез, а голову, управляющую этими руками, сознание, направленное против народа, мировоззрение, враждебное нашему классу, психологию и

отношения, возвращающие нас к 1917 году, когда народ сдал в архив истории отношения, основанные на принципе «человек человеку — волк». А за всем этим предстает перед нами долгая и жестокая борьба нашего общества за коммунистическое мировоззрение, с пережитками не социалистического сознания, тяжкая и трудная борьба человека с самим собой, со взглядами, с привычками, унаследованными от длинной цепи поколений, борьба, в которой человек не сразу и не безболезненно приходит к социалистическому сознанию.

Если так подходить к явлениям жизни, за мелочами видя большое, доискиваясь до корней фактов, вскрывая причины и проникая в следствия их, что и делает Анатолий Иванов, то перед литератором неизменно возникает жизнь во всех ее проявлениях, диалектически развивающаяся, сотканная из противоречий, являющая собой постоянное столкновение идей, страстей, характеров, личностей и эмоций. Все это, данное в движении, в развитии, в борьбе, несовместимо с «серостью», как несовместима с «серостью» сама жизнь — яркая, полнокровная, горячая, беспрестанно качественно изменяющаяся, движущаяся вперед!

В писательском деле очень важен этот, иногда неуловимый, первый толчок творческой мысли, влекущий за собой рождение образов, положений, выражение идеи, столкновения характеров. Но одного толчка недостаточно, и если писатель не перекинет мостка от прошлого к настоящему, если не увидит их связей, часто очень далеко ведущих, произведение не получит достаточной глубины, объемности. Молодой писатель Ан. Иванов не удовольствовался этим первым толчком. Он поставил перед собой вопрос: если человек хранит столько лет кулацкое оружие — каким было его сознание, каково было его влияние на окружающих? Ведь пережитки прошлого в сознании людей существуют не сами по себе, они передаются, формируются, укрепляются, исчезают или возникают в результате взаимного воздействия людей. Так обрез обратился в символ пережитков не социалистического сознания и привлек внимание писателя к главной теме советской литературы — перестройке сознания человека.

Посмотрев на вещи так, Анатолий Иванов смог постичь корень отрицательных явлений нашей жизни, являющихся тенью прошлого, отголосками того, что обречено историей на смерть, осуждено всем ходом развития человечества, что цепляется за но-

146

ги идущего ныне, тщетно пытаясь остановить это извечное движение к свету из мрака времен. По-новому взглянул он после этого на факты нашей действительности, мешающие нашему стремительному продвижению к коммунизму. Он для себя открыл природу этих отрицательных явлений и понял необходимость свою и право свое бороться с ними художественными образами, горячим, убежденным словом. По-новому окрасились для него факты, вызывающие возмущение гражданина, — пьянство, хулиганство, поножовщина, шкурничество, трусость, лень, спекуляция, подлость, — увь, иной раз марающие нашу действительность, для которой так характерны высокие взлеты, гражданское мужество и сознательность, живое и активное участие человека в общественной жизни страны. Анатолий Иванов ощутил личную заинтересованность в этой борьбе, и тогда художественные образы стали для него живыми, настоящими, требующими не суррогатов чувств, а чувств подлинных — бурных, кипящих, рождающихся и изменяющихся от часа к часу. Он ощутил в скрывающихся тенях прошлого личную угрозу; и изолированные, отдельные явления, против которых восстает все существо советского человека, теперь обрели для него вполне определенные очертания, вполне конкретное выражение — идеологическое, моральное. Весь роман «Повитель» обращен к нашей молодежи, ибо она — залог будущего, ибо от ее моральных качеств, ее духовной чистоты и ее творческой силы зависит осуществление вековой мечты человечества о совершенном обществе.

При таком горячем, личном отношении автора к сюжету, образам романа, к их мыслям и поступкам могло ли на страницах романа возникнуть бледное отражение жизни, та «серость» сумерек мышления, в которой так трудно распознать истинного друга, в которой неразличим и облик врага? Нет и нет! Если автор видит героев своего произведения живыми — чувствует, ощущает их, видит во плоти, в реальной конкретности, — откуда взяться «серости»?

Пусть простит мне читатель горячность, с которой я отвожу столько времени, чувств и места казалось бы «академическому» разговору о том, каковы условия возникновения «яркого» и «серого» в литературе. Он не так уж «академичен», как это может показаться! В конце концов он сводится к тому лишь, насколько автор сможет слиться с жизнью своих героев, насколько он сумеет

вжиться в описываемое, насколько хватит у него сил жизненно правдиво воплотить свой замысел в свое творение, насколько автор понимает жизнь, насколько он может осмыслить ее философски. Этот «академический» вопрос сводится к тому, что «серое» — просто не правдиво, не жизненно, а «жизненное» — правдиво исторически и художественно, выражено чувственно реально, слито с подлинностью почти до потери границ между вымышленным и действительным. И если подлинно художественное можно назвать идущим «через сердце», то «серое» в этом случае будет лишь «головным», «рассудочным» отражением жизни, не трогающим читателя даже при наличии знакомых реалий.

Мы обычно очень мало говорим о возникновении авторского замысла и почти никогда — об условиях его возникновения и процессе мышления автора в момент, когда факты жизни вступают во взаимодействие с творческой фантазией писателя, с его «вымыслом». Но, повторяю, книга Ан. Иванова возбуждает такое желание.

Не могу не привести высказывание Ан. Иванова на обсуждении романа «Повитель». «У нас в последнее время (появилось довольно много произведений, объясняющих факты существования в нашей действительности... отрицательных типов. Это или молодой человек, исковерканный заботами родителей, или, если это руководящий человек, то — избалованный властью и людьми... Крамов в романе Каверина — человек с трудно-распознаваемой болезнью и загадочными симптомами... Образ Вальгана («Битва в пути» Николаевой) писательница объясняет каким-то упырем, который сидит в нем и сосет... По-моему, противоречия нашего общества гораздо глубже и серьезнее, гораздо сложнее, чем мы порой объясняем в своих книгах, и причины существования многих и многих отрицательных типов надо искать в этих противоречиях в социальном плане». И дальше — «все отрицательные явления, казалось бы разные, питает один и тот же источник, это — жажда собственности, которая досталась нам в наследство от старого строя!»

Жажда собственности! Она будет существовать до тех пор, пока в обществе сохранится имущественное неравенство, а может быть, даже и переживет его... И Анатолий Иванов берет три поколения одной семьи, чтобы проследить градации, изменения этого властного инстинкта на протяжении десятков лет, на различных ступенях изменения

общественного строя: в «классических» условиях, когда жажда собственности есть главенствующий мотив всего общества, основной устой его, и в новых, изменившихся условиях, когда новая идеология уничтожает этот мотив и новый строй борется против него и его пережитков.

В течение сотен лет жажда собственности была движущей силой общества, основанного на принципе частной собственности. В течение многих поколений она созревала, воспитывалась, завладевала сознанием людей, отравляла их мозг и сердце, калечила отношения и уродовала мораль, становясь неотъемлемой частью души человека, диктуя ему поступки и мысли. Отказаться от этого чувства не легко, не просто, даже если учесть суровость и прямоту революционных методов при установлении нового общественного строя, непримиримо враждебного принципам частной собственности.

Ан. Иванов не облегчает своей задачи, понимая тяжесть задуманного. Он проследживает развитие этого чувства от деда к отцу и от отца к сыну, относясь с крайней взыскательностью к своим героям, беспощадно разоблачая их перед читателем, не оставляя ничего тайного ни в их мыслях, ни в их действиях. Но, хотя перед нами предстают представители одной фамилии Бородиных, за их спиной, за их фигурами мы видим многих, в ком застарелой занозой сидит жажда собственности, и понимаем общественное значение этого чувства, его реакционное, опасное для общества значение.

Начало романа захватывает первые десятилетия этого века. Мы видим затерянную в таежной глуши сибирскую деревушку. Разные люди живут в ней. Тут есть и своя «аристократия» — из тех, кто сумел теми или иными средствами урвать от общественного пирога, и свои «низы» — из тех, кому не досталось ничего, кроме жадности и горького сожаления, что «не планида — быть богатым!» К числу последних относится Петр Бородин — беднейший из бедняков деревни Локти, живущий с женой и сыном на отшибе от всех. «Их низенькая избенка с двумя тусклыми оконцами стояла на самом краю Локтей, упираясь огородом в стену леса. Была похожа она чем-то на подгулявшую старушонку, которая, вывалившись в грязи, теперь сидела, согнутая, на земле, непонимающе поглядывая на мир выцветшими глазами».

Жажда «выбиться в люди» преследует Бородина, не давая ему покоя ни днем ни

ночью. Ему «охота пожить», так как трудно назвать жизнью то прозябание, какое досталось ему на долю. Но «выбиться» нечем — слишком уж ограничены пути уроченца Локтей. И исподволь, при невозможности легального присвоения чужой собственности, как это делает поп, или лавочник, или староста, у Петра Бородина созревает мысль о преступлении во имя этого «пожить!» Преступление его не пугает — на глазах у него примеры живые и убедительные: ни к попу, ни к лавочнику, ни к старосте достаток не пришел сам, как воздаяние за честный труд, от их денег пахивает. А чем хуже их Бородин? Преступление его не пугает. Пугает возможность попасться. А если не попался, так какой же преступник? Неотвязное желание разбогатеть, «стать человеком» заставляет его гнать самогон, тайком приторговывать им, заставляет присматриваться — у кого бы можно было «взять», не «украсть», а именно «взять»? И невольно мысли его начинают фиксироваться на фигуре приезжего цыгана-коновала. И деньги у него бывают, и чужой человек здесь — кому до него есть дело? — и следы скрыть нетрудно: кругом болота, только брось, никто никогда не найдет... Медленно, но неуклонно созревают все подробности этого плана, в котором находят свое место и бутылка самогона, и пузырек с ядом, и таежная дорога, и топор — орудие крестьянского труда, и зловонное болото. Невольно соучастницей этих мыслей становится и жена Бородина — Арина, которую точит чахотка и на лечение которой нет денег. Арина восстает против этих мыслей. Но она не в силах остановить мужа — слишком сильна в нем жажда «иметь». Он сделал свой выбор!

На глухой лесной дороге цыган делает попытку спасти жизнь, отдав заветный мешочек нажитого (тоже не честными и не чистыми путями!). Но жажда «иметь» так велика в Бородине, что он не хочет рисковать, оставив свидетеля, и он, «неторопливо размахнувшись, ударил коновала топором по голове. А удар пришелся будто по его собственной. Петр Бородин даже ощутил, как лезвие топора — не то горячее, не то холодное — прошло сквозь череп и застряло там. В ушах зазвенело, а перед глазами, в темноте, как и полчаса назад, когда он бежал за телегой, поплыли оранжево-зеленоватые круги...»

И вот, кажется, фортуна начинает поворачиваться к Бородину лицом: исподволь он причащает к себе старосту, давая ему кое-

742

что из «того» мешочка. Он не торопится, так же как не торопился опустить топор на голову цыгана, выжидает, делает все осторожно, чтобы не привлечь внимания к себе, но уже есть у него кони, строится дом, шевелится мысль завести лавочку, уже покупает он в далеком городе «товар». Базисное начало будущего деревенского мироеда!..

Но, хотя Бородин и одиозная фигура, его поведение нельзя назвать исключительным — он «в грехе капитализма зачат», и в его развитии нет ничего противоестественного для того строя, того общества, которое его породило. Пусть не случалось ему убивать раньше, но он это сделал не потому, что он рожден преступником или предельно растлен, а потому, что его мучит жажда стяжания, жажда «выбиться в люди». Никто не вложил в его душу никакой другой идеи. Он не кровожаден, он убил, чтобы завладеть «имуществом». Идея стяжания была единственной идеей, которая руководила всей его жизнью и привела в конце концов к целой цепи преступлений — таких, как убийство коновала, фактическое убийство жены, которой вовремя не помог Петр, считая «лишней тратой денег» расход на больницу, и даже неоднократное покушение на убийство своего семени — сына Григория, когда интересы отца и сына расходятся.

Петр Бородин изуродован своим обществом. У него есть мечты — сыну Григорию создать такую жизнь, которой сам Петр не имел, создать уважение (пусть вынужденное), семью (породившись с богатым), богатство (кто будет потом смотреть на происхождение его, если человек вошел в силу!). Он сам себе рисуется не последним человеком в деревне Локти, а родоначальником богатой фамилии, влияние которой распространяется далеко за пределы Локтей, патриархом рода, всеми уважаемым, слово которого — «золото»! Но для этого Григорий должен быть сотворен «по образу и подобию» отца своего, должен разделять и устремления и мысли его — повторить облик отца, но в новом, желанном качестве!.. Так побуждения Петра Бородина, целиком вытекающие из морали и практики буржуазного общества — его колыбели, — отягощают собой второе поколение Бородиных. То, что мы называем сейчас пережитками капитализма в сознании людей, для Петра и Григория Бородиных — естественное состояние, они выросли в кругу этих представлений, созрели на них, как

законченные типы своего времени, своей эпохи. Ан. Иванов не пугает нас, не устраивает «гиньоль»; рисуя Бородиных, он не ахает и не ужасается — ах, какие моральные уроды воспитаны царизмом! С честной беспристрастностью он показывает то, что есть, и ненависть читателя направляет не столько на жертвы чистогана, сколько на самые условия, при которых возможно возникновение того, что происходит в «Повителе».

Название романа — не случайно. Оно несет в себе такую же философскую нагрузку, как и действие романа. Есть невидное и неслышное с первого взгляда растение — вьющееся, расцветающее скромными мелкими цветами. Это повитель. Ему не дано силы расти в земле, отбиваясь от конкурентов, которым тоже нужна земля и солнце. Но оно наделено страшной способностью — питаться соками других растений. Нежно обвиняясь вокруг больших, сильных деревьев, которым его цветы сообщают невинную прелесть, оно высасывает их соки и безжалостно губит. Автор уподобляет людей этим сильным деревьям, а жажду собственности — повители, приносящей гибель деревьям. Жажда собственности уничтожает все человеческое в человеке, — вот почему человечество должно уничтожить ее!

И человечество уничтожает эту «повитель», расстреляв корни ее в 1917 году и тщательно выпалывая ее побеги, кое-где коренящиеся и до сих пор в закоулках человеческого сознания.

И Григорию Бородину приходится столкнуться с этим. С колыбели несущий на себе проклятие стяжательства, с детства отравленный мечтами о богатстве, невольно втянутый в преступление отца, едва начавший «входить в силу», во вкус жизни, — он лишается всего потому, что народ всерьез принялся выжигать в стране губительную «повитель», начав с Романовых в Октябрьскую революцию. Революция ставит перед Григорием альтернативу: с Веселовыми, которые безоговорочно приняли сторону восставшего народа, или против них, в бесплодных попытках задержать ускользающее из его зацепистых, «клешнястых» рук «счастье», «фарт». Петр Бородин — весь на стороне контрреволюции. Он шел на убийство ради того, чтобы вырваться из костлявых лап нищеты, а тут революция отнимает у него все, заграбастанное такой страшной ценой. Он на стороне белых, на стороне любимых бандитов, лишь бы не расставаться со своим золотом. Он и Григория Бородина

толкает в банду. Но Григорий моложе и сложнее отца. На себе и своем отце он познал уже, как силен народ. По собственному опыту он знает, как горька ненависть народа к богатеям. Он знает меру этой ненависти и вовсе не испытывает слепой уверенности отца в том, что контрреволюция победит. Трудно сказать, умен ли Григорий, но он обладает звериным чутьем, которое никогда не позволит ему кинуться в безнадежно проигрышное дело. Он видит, и это страшит его, что даже соединенная ненависть и сила деревенских богатеев — Лопатиных и Зеркаловых, — помноженная на силу беспощадной и кровавой белогвардейщины и интервентов, не может справиться с великолепным порывом деревенской бедноты, людей, подобных Пьянковым и Веселовым, которым нечего терять в этой схватке. Он осторожен, осторожен, как волк, делающий круги возле овчарни! Даже когда он предает партизан, он остается в стороне: он дальновиден все из-за того же звериного чутья. Он не хочет быть уничтоженным вместе с Зеркаловыми и Лопатиными, он хочет выжить, в надежде на то, что когда-нибудь «его возьмет», хотя очень ясно понимает, что надеяться на дружеские чувства односельчан, на их помощь ему нечего: за недолгие годы, пока Петр Бородин был на подъеме, и отец и сын успели снискать откровенную ненависть Локтей. Им двигают и иные чувства — он любит Дуняшу, невесту Андрея Веселова, он видит, что, кроме Андрея, для Дуняши нет никого на свете, видит, как наконец соединяются желанными узами Андрей и Дуняша, и все-таки лелеет надежду увидеть Дуняшу своей. Он примитивен в своих посулах Дуняше. «Разодену, как картинку, на руках буду носить!» — это все, что он может ей обещать. Но так велик груз его представлений о чистогане как основной ценности в мире, что он уже не может видеть — меняются представления людей, на смену чистогану революция несет с собой что-то совсем иное, от чего у бедняков распрямляются плечи и они готовы смерть принять, как праздник, во имя этого «что-то», смысл и значение которого ускользают от Григория.

Он не сразу стал человеком, которого ненавидит вся деревня. Может статься, слушались уйти Григорию на фронт, как пошел не в очередь бедняк Андрей Веселов — сверстник и соперник его! — пройди он тяжкую окопную школу, и иные чувства вошли бы в его душу, иные мысли осенили бы его. Золото, окропленное кровью коновала,

спасло Григория от солдатчины. Петр боялся потерять своего «наследника» и через Зеркалова получил на сына фальшивые документы. Золото спасло его от фронта, но Григорий оплатил это большой ценой — за годы, в течение которых Андрей учился рабочей правде и стал солдатом революции, золото выело душу Григория, лишив его остатков чести и совести. За эти годы он принял от своего отца проклятый груз жадности собственности. Это не пришло само собой, сразу, как желанная ноша. Нет! Автор показывает нам, как страдал Григорий, как мучился, какой жестокой ломке подвергался он со стороны отца, как пугала его ненависть людей... Анатолий Иванов ярко показал сложность формирования отрицательного типа, показал и трагические крупные ошибки, приводящие к неверным оценкам и ложным выводам, и тот поток мелочей, которые в сумме своей иногда дают больший отрицательный эффект, чем крупная ошибка. И когда уже нет Петра Бородина, давшего роковое направление всей натуре Григория, когда ясным становится, что Советская власть установилась не на две недели, — все выжжено в душе Григория, и на этой испепеленной почве не может прорости ни один росток нового, он сам себя «увалил с должности человека!»

Он ждет, ждет, сжигаемый ненавистью и неутоленными чувствами! Чего? На что он может надеяться? На что? Пожалуй, можно ответить на этот вопрос так: обуреваемый своими желаниями, он верит в то, что и другие должны, непременно должны мыслить так же, как он, что его мысли и чувства, которые поставили его среди людей в особую, будут владеть и другими, что они не могут мыслить иначе, чем мыслил Петр и мыслит сам Григорий. Злобную радость доставляет ему возможность кое-где и кое-кого видеть проявление знакомых инстинктов и побуждений. Но он не отваживается на открытое сопротивление новому, чувствуя его покоряющую силу; он смог предать, когда понадеялся таким образом устранить со своего пути Андрея и — рано или поздно — взять Дуняшу, но он не боец и в этой борьбе не хочет быть ни рядовым, ни тем, кто посылает на смерть. Он верит в страшную силу «повителни». Сам обвиняемый, он надеется на то, что со временем, исподволь, постепенно, она обобьет и других, и тогда он «возьмет свое»... Он выжидает и безжалостно рвет старые связи, не желая быть чьим-то ору-

днем, и Зеркаловых и Лопатиных ненавидя так же, как Веселовых и Пьянковых...

У Григория Бородина есть, мне кажется, в галерее литературных образов нашего времени кровный родственник — ему сродни Петр Сторожев Н. Вирты. Петр Сторожев, не мысливший себе примирения с теми очистительными силами, которые навсегда вырвали страну из костлявых лап романовского орла и из-под власти чистогана, пропадает, как волк, отбившийся от стаи, ненавистный людям нового мира и уже бесполезный, ненужный тем, кто вложил в его руки оружие.

Какими-то своими чертами Григорий Бородин напоминает мне и главного героя «Тихого Дона», особенно тогда, когда шатания приводили того в стан врагов или в банду Фомина. Григорий Мелехов после годов мучительных блужданий пришел к новому берегу — опустошенный, опаленный пережитым, готовый и к смерти и к жизни в этом новом мире, приведшем его к поражению, но ставшем колыбелью его сыну, его семени, Мишатке, которому не знать бы никогда мук своего отца! «Тихий Дон» и «Одиночество» рисовали нам события первых лет революции, гражданской войны и начала становления Советской власти. «Повитель» продолжает эту линию в последующие годы, подводя к нашим дням.

Как бы жил Сторожев дальше в новом мире — «врос бы в социализм»? Или, может быть, только временно отказался бы от борьбы, тая надежду взять реванш, ушел бы в глубокое подполье, надев на себя личину безбидного обывателя, а может быть, и сочувствующего? Так возникает современная модификация уже известных нам образов, прорастающих из далекого прошлого в наши дни, как в наши дни из глубины времен тянутся старые, как мир, чувства, мешающие нашему движению вперед, накладывающие на сознание нашего человека «родимые пятна» частнособственного мировоззрения. Есть эти люди и есть эти чувства! — говорит Ан. Иванов своей книгой. Есть, ибо что-то питает те отрицательные явления нашей жизни, с которыми мы, увы, нередко сталкиваемся.

Идут годы, крепнет советское общество. Прошлое все время тянется к Григорию Бородину. То станет на его пути Лопатин, то Зеркалов, требуя от него помощи и содействия в качестве платы за молчание о его предательстве. Жажда жизни и реванша сочетается теперь в душе Григория Бородин со страхом разоблачения, и

этот страх настолько силен, что он идет на двойное преступление — убивает обоих своих покровителей и сообщников. Ему и в голову не приходит прибегнуть к помощи советских людей в этой его справедливой борьбе против бандитов и насильников, пытающихся использовать его для прямого вреда советскому обществу, — так он одинок среди людей! Конечно, и Зеркалов и Лопатин стоят вне закона и, по сути дела, Бородин лишь приводит в исполнение приговор, висящий дамокловым мечом над головами осужденных. Григорий, уничтожая их, не дает им возможности причинять в дальнейшем вред советским людям. Но делает это он не в осуществление справедливости, а в корыстных целях, во имя самосохранения, чтобы навсегда утвердить молчание мертвых. Так, переступая через трупы, идет по жизни Григорий Бородин. С какой целью? Жалкая мечта движет им, сознание его проходит мимо того, что бурно расцветает вокруг.

Григорий не может похоронить в себе то, что было вложено в его душу отцом. Он передает эту эстафету мертвых чувств своему сыну Петру, названному так в честь деда, убийцы коновала... Ан. Иванов понимает, что мысль о прекращении существования извечно страшила людей, извечно они стремились продолжить свою жизнь в потомках и, считая свое самым ценным в жизни именно потому, что это «их», передавали следующему поколению и свой опыт и свои заблуждения, часто цена их больше, чем подлинный опыт. И Григорий Бородин поступает так же. Если источником ущербного сознания в семье Бородиных был дед, убивший цыгана, то следующим, кто возродил неуемную жажду обогащения, был Григорий. И Григорий пытается в сознании следующего поколения, через сына, утвердить еще раз свои чувства в нашем обществе. Он так «ломает» сына, как «ломал» когда-то его волю и чувства старик Бородин. Анатолий Иванов погрешил бы против правды жизни, если бы иначе показал этот процесс, возбуждающий у читателя тревогу за судьбу этого третьего поколения Бородиных, не страх — хотя в судьбах и в характерах деда и Григория Бородина немало по-настоящему страшного! — а именно высокую гражданскую тревогу, так как и побег повителя — угроза живому!

Но жизнь идет вперед! И, как ни старается Григорий, сын медленно, но неуклонно уходит из-под его влияния. На его со-

знание действуют те сверстники отца, которые пришли к истинной дружбе и человеческим отношениям, недоступным Григорию. Их пример действует неотразимо. К этому прибавляется и новый фактор — влияние третьего поколения Веселовых. Может быть, самое сильное воздействие оно оказывает на Петра Бородину именно тем, что в его сознании нет темных пятен, — своей чистотой, своей свежестью. Поленька, дочь Дуняши и Андрея, погибшего на фронте, властно входит в сердце Петра. И притягательная сила ее образа заставляет светлеть мысли Петра, в мозгу его зреет настоятельное желание «стать человеком», но не так, как его дед мечтал «выбиться в люди», не преступая через чью судьбу, а вместе с людьми, с высоко поднятой головой, глядя людям в глаза открытым взором, не пряча его и не отводя в сторону, как делает это Григорий!

Привлекает честность художника в книге Ан. Иванова — у него нет страха перед тенью сторон жизни, он ясно видит их и мобилизует внимание читателей на борьбу с ними, но он ясно видит также, что у них нет прочной опоры, что победа над ними близка, если быть бдительным. Конечно, он сознательно группирует их, создавая образы, сознательно усиливает, подает таким образом, чтобы читатель ощутил тревогу, ощутил желание быть беспощадным к Григорию, но вместе с тем — интерес к его сыну, стремление спасти его и вывести из-под влияния отца, вырвать его из темной власти пережиточных чувств. Мне кажется, это и есть работа писателя по коммунистическому воспитанию. Книга заставляет воевать против самоуспокоенности, либерального благодушия: раз революция произошла и победоносно завершилась — все у нас хорошо и мы идем к коммунизму под развернутыми знаменами, под звуки оркестров! Но она направлена и против ложной подозрительности — могут найтись в нашем обществе люди, которые, зная, насколько одинока фигура Григория, перенесли бы на Петра весь груз вины его отца.

Свет побеждает тьму — с таким чувством читатель расстается с книгой Ан. Иванова. Но это не авторская декларация, выдавание желаемого за сущее, а убедительный, образный показ могучей силы советского общества.

Может возникнуть вопрос: типичен ли Бородин? Я думаю, что Анатолий Иванов создал образ исключительный. Но все в мире относительно: если Бородин сам по

себе — личность исключительная (в романе мы видим это по ряду каких-то таких обстоятельств и сюжетных ходов, которые нельзя назвать «ординарными»), то, если иметь в виду не советское общество и его типы, а мир, противостоящий советскому обществу, Григорий Бородин представляет собой типическое явление. Он типизирует собой определенную классовую прослойку, выражает частнособственническую идеологию. И с этой точки зрения, Бородин — типический образ своей эпохи, своего класса, класса собственников, так как Бородину преступным путем «вырвались» из класса немущих, более того, сознание их было разращено чуждой идеологией даже тогда, когда они были немущими!

Есть ли Бородины в наше время? Не знаю. Гораздо более важно то, что какой-то отпечаток психологии отца и деда Бородинных мог остаться и в Петре, мог где-то притаиться, чтобы в какой-то момент проявиться с неожиданной силой, удивляя окружающих, да и самого Петра... Может быть, проявится это и не так, как показал нам в своем романе Ан. Иванов, дав волю Григорию Бородину развалить колхоз, а в иной форме, но — как бы это ни проявилось! — тем легче будет справиться с любыми пережитками чуждого сознания, чем скорее общество распознает его корни.

«Повитель» не из «приятных» книг, закрывая которые чувствуешь «благодарство-вание воздухов и обилие плодов земных». Это книга жестокая, но эта книга — серьезное оружие советского писателя в борьбе против буржуазного сознания. И я думаю, что она привлечет внимание и нашего читателя и читателя стран народной демократии.

Мне не очень хочется говорить о том, что в книге Анатолия Иванова меня не устроило. Может быть, это чисто вкусовые замечания. Но, сравнивая добротность, убедительность, зримость материала первых трех частей романа с беглостью изложения событий в последней части, я ощущаю, что автор как-то неожиданно заторопился, почему-то сменив артиллерийский обстрел явления, против которого нацелена вся его книга, на ружейную перестрелку. Не очень убедительно сделано в романе последнее перевоплощение Бородина на пути осуществления его попыток «вжиться» в советский организм, когда он становится председателем колхоза. Может быть, третье поколение бойцов за коммунизм — Поленька Веселова — дано в слишком акварельных тонах,

тогда как весь роман — это сильная, темпераментная, пастозная живопись. Может быть, не очень оправдана и позиция Пьянкова, который, зная о трусости Григория на фронте в дни Великой Отечественной войны, молчаливо соглашается с избранием Григория председателем колхоза. Может быть! Но все эти спорные или несильные места книги не могут заслонить главного: «Повитель» — произведение значительное и, хотя большая часть его действия относится к 1917—1929 годам, современное, находящее глубокий отклик в сердце читателя. Яркая в целом и в характеристических деталях — материале, образах, сюжетных ходах, — книга всем своим художественным методом, всем философским осмыслением те-

мы и материала направлена против «серости», которая так мешает нам.

Роман Ан. Иванова носит на себе следы высокой требовательности автора к самому себе, к литературе и к материалу. Пусть где-то дрогнула его рука, где-то он изменил своей точной и ясной манере, но это отдельные ошибки, и, хочется добавить, ошибки роста: ведь это первая книга писателя. Не эти ошибки определяют истинную ценность романа, а его философская направленность и литературная добротность.

Мне кажется, что от Ан. Иванова можно многого ожидать. А его роман хотелось бы видеть изданным в Москве, и получше, чем его издали в Новосибирске, и тиражом побольше. Книга стоит этого!

